Добавил(а) Социология
05.09.10 19:33 -

Принцип методологической автономии исследования: от реконструированной логики к реально используемой логике [1] .

Одна из главных идей данной книги такова: различные науки, взятые в совокупности, не являются колониями, находящимися в управлении у логики, методологии, философии науки или какой бы то ни было другой дисциплины. Они свободны и независимы, и более того, обладают всеми правами на свободу и независимость. Вслед за Джоном Дьюи я буду обо-значать эту декларацию научной независимости как *принцип автономии исследования.* Суть этого принципа в том, что поиск истины не подотчетен ничему и никому вне пределов самого этого поиска.

Я вовсе не стремлюсь доказать, что научное предприятие существует - или должно существовать - отдельно от более широкого мира людей и дел человеческих, скорее наоборот. В действительности я настаиваю на дру-гом тезисе: нормативные стандарты научной практики выводятся из самой науки, даже если в любой конкретный период интересы науки тесно пере-плетены со всеми остальными заботами человечества. Моя позиция, таким образом, заключается не в том, что происходящее за пределами науки не имеет никакой власти над последней, а, скорее, в том, что там, где такая власть существует, право управлять основывается исключительно па доб-ровольном согласии управляемых. < ... >

До этих пределов ученые и философы науки склонны соглашаться друг с другом. Но дальше возникает вопрос о том, какой нормативной силой обладает логика по отношению к науке. Разве не логика и ее прак-тическая реализация - "методология" - служат основанием и конечным источником норм научного исследования? Если даже Бог не может нару-шить законы логики, возможно ли это для ученого? Конечно, всякий уче-ный "логичен" или стремится быть таковым. Вопрос заключается в том, следует ли рассматривать саму логику как источник обоснования исследо-вания, или последнее само служит конечным обоснованием логики.

Заслуженно знаменитый учебник, опубликованный некоторое количе-ство лет назад,

назывался "Введение в логику и научный метод". Слово "и" в заголовке возмутило Джона Дьюи, ибо логика, с его точки зрения, это не что иное, как теория исследования. Это как если бы предлагалось "применить" литературную критику к литературе: вне такого "примене-ния" литературная критика не существует. Глядя на этот эпизод во вре-менной перспективе, можно было бы сказать, что Дьюи недооценивал са-модостаточные богатство и силу современной ему математической логики. Но все же эта логика остается сугубо формальной и, в строгом смысле слова, пустой. Даже имея дело с индукцией, как в недавней работе Карнапа, она остается на деле дедуктивной. Это, скорее, логика согласованных, а нс истинных суждений. Принципы индукции тина "Используй все доступ-ные (эмпирические. - *Прим. пер.)* доказательства" имеют, по сути, внело-гическую природу. Их нельзя рассматривать как тавтологию, обосновыва-емую теми самыми правилами логического исчисления, использование которых само, в свою очередь, основано на указанных принципах. Исти-ны формальной логики и в самом деле неизбежны, как и истины чистой математики, от коих, в согласии с современными воззрениями, их в преде-ле нельзя даже отличить. Столкнувшись с вызовом "Докажи мне, что я должен изучать логику", Эпиктет изрек: "А как ты узнаешь, что это хоро-шее доказательство?".

Очень многое зависит от того, рассматриваем ли мы науку как сово-купность пропозициональных суждений или как предприятие, в ходе ко-торого эти суждения создаются, т.е. как продукт или как процесс. Описа-ние норм, относящееся к законченному исследовательскому отчету, вполне может отличаться от такого же описания, сделанного применительно к самому процессу проведения исследования. (Первое иногда называют "ло-гикой", а второе - "методологией", но это не слишком удачное словоупот-ребление.) В последнее время наклонность акцентировать процесс иссле-дования, столь характерная для классиков прагматизма - наподобие Дьюи и его великого предшественника Чарльза Пирса, - получила более широ-кое распространение среди философов, чем несколько десятилетий назад. Я еще остановлюсь вкратце на вопросе о том, существует ли такая вещь, как "логика открытия".

Итак, о логике можно сказать нечто, звучащее не столь старомодно, как когда-то выученное нами определение, данное Джоном Стюартом Миллем: "Логика - это наука (si c !
), которая рассматривает операции, про-изводимые человеческим пониманием для поиска истины". Прежде всего, мы могли бы добавить, что не только для поиска истины, но и для поиска объяснения, предсказания или контроля. Вкратце, логика рассматривает "операции, производимые человеческим пониманием" (в конце концов, и в этом есть старомодная прелесть!) при решении задач. При этом нет необ-ходимости заранее принимать какую-то единственную характеристику того, что представляют собой "решения". Существенно сразу подчеркнуть, что логика рассматривает эти операции оценочно. Главное здесь состоит не в том факте, что такие операции производятся определенными людьми в определенных обстоятельствах; важно, удается

ли в этих обстоятельствах найти требуемые решения. Слово "логика" иногда употребляется и в безо-ценочном смысле, например "логика Бессознательного" или "логика пра-вого радикализма". Я предпочитаю в таких случаях использовать термин "когнитивный стиль", так что можно говорить о более или менее логичном когнитивном стиле, оценивая степень этой логичности в том или ином от-ношении. (Существует также переносный смысл термина "логика", харак-терный для выражений типа "логика событий", подразумевающий скорее то, что логика могла бы нам поведать о событиях - о их необходимых взаимосвязях или исходах, об их объяснении.) Коротко говоря, логика занимается тем, что делают ученые, когда они успешно занимаются наукой.

Слово "логика", подобно словам "физиология" или "история", сейчас •употребляется и для обозначения определенной дисциплины, и для обо-значения ее предмета. У всех есть собственные физиологии и истории, и некоторые из нас думают и пишут о подобных вещах. Сходным образом ученые и философы пользуются логикой - они обладают более или менее логичным когнитивным стилем, - и некоторые из них также способны сфор-мулировать этот стиль эксплицитно. Я называю первое *реально использу-емой логикой,*
а второе -
реконструированной логикой.
Мы столь же мало можем рассматривать эти
логики
в качестве идентичных или даже просто находящихся в отношениях прямого соответствия друг другу, как смеши-вать падение Рима и описание Гиббоном этих событий или лихорадку па-циента и предлагаемое доктором объяснение причин этой лихорадки.

Хотя я уже сказал, что некая область исследований - скажем, психо-анализ или парапсихология - не может претендовать на наличие некой "собственной логики" в порядке защиты от научной критики, верно также и то, что существует множество "реально используемых логик". С чем действительно надлежит спорить, это с притязаниями на право собствен-ности, из которых проистекает следующая установка: никакая критика не принимается, если обоснованность критикуемого метода с самого начала не будет объявлена само собой разумеющейся. И в науке, и в политике неприемлема стратегия: что мое - мое, а что твое - это вопрос переговоров. В любом исследовании реально используемая логика должна доказать сама себя. Успех исследования и является таким доказательством, которое вполне различимо с точки зрения любой другой обоснованной, реально использу-емой логики. (Условие "обоснованности" другой логики порождает круг, который, однако, не является порочным.) То обстоятельство, что в мире идей отсутствуют как внешние, так и внутренние границы, вовсе не пред-полагает наличия единой истинной "Логики-с-большой-буквы", безраздель-но правящей этим миром. Убеждение, что описанная логика существует - и таковой как раз является *наша* логика - это

своеобразный этноцентризм, сродни тому, который мы столь болезненно преодолевали в течение после-днего столетия, усваивая уроки сравнительной этнологии. Миф о суще-ствовании "естественной логики", из которой выводится универсальная рациональность, был подвергнут проницательному анализу в работах Бенджамена Л.Уорфа и его продолжателей, лингвистов и антропологов. На реально используемую логику влияют не только язык и культура, но так-же и существующий уровень научных знаний, стадия конкретного иссле-дования, а также особенности конкретной исследовательской проблемы. Существует более одного способа изловить кота, да и среди множества видов, составляющих семейство
Felidae
[2]
,
встречаются такие, к которым нужен специальный подход.

Каковы бы ни были наши взгляды на реально используемую логику, вне всякого сомнения существует множество реконструированых логик. Джон Локк, обсуждая природу силлогизма, сделал следующее замечание: "Бог не был настолько скуп по отношению к людям, чтобы сотворить их просто двуногими животными, предоставив Аристотелю сделать их рацио-нальными". Иными словами, и до аристотелевской реконструированной логики существовали реально используемые логики. А после Аристотеля появились другие реконструкции. О. де Морган положил начало разви-тию современной логики своим замечанием, что аристотелевская логика (т.е. предложенная Аристотелем реконструкция) не позволяет доказать, что поскольку лошадь - животное, то голова лошади - это голова животно-го. Искомое доказательство потребовало предварительной разработки ло-гики отношений. Уже в нашем столетии Рассел, Куайн и другие предло-жили реконструкции несравненно более богатые, чем аристотелевская, о которой Кант имел неосторожность сказать, что она не оставляет места ни для каких дальнейших усовершенствований - и именно тогда, когда эпоха господства аристотелевской логики близилась к концу.

Примеры Локка и де Моргана напоминают нам о том, что реально используемая логика может предшествовать своей собственной реконст-рукции. Помнить об этом следует не только применительно к реальной логике, используемой в повседневной жизни, но и применительно к логи-ке, используемой в науке. Ньютон и его последователи получали превос-ходные результаты, применяя дифференциальное и интегральное исчис-ление в физике, несмотря на проницательную критику оснований математического анализа со стороны Беркли. Убедительный ответ на эту критику мог быть дан лишь два века спустя, когда Вейерштрасс предло-жил соответствующую реконструкцию.

То, что Карнап и Рейхенбах называют "рациональной реконструкцией" науки, является

результатом применения к продукту научной деятельности современной реконструированной логики, а не какого-либо "Логического Анализа". С определенного момента наиболее популярной стала реконст-рукция науки в терминах так называемого "гипотетико-дедуктивного мето-да", особенно в той версии, которая описывает теоретическое знание в форме постулатов. Согласно этой реконструкции, ученый использует некую ком-бинацию тщательного наблюдения, проницательных догадок и научной ин-туиции, чтобы прийти к совокупности постулатов, объясняющих интересу-ющее его явление. Из этих постулатов путем дедукции выводятся открытые для эмпирического наблюдения следствия. Далее следствия проверяются в эксперименте, подтверждая или опровергая исходные постулаты. Последние при необходимости заменяют на другие постулаты и т.д.

Описанная реконструкция доказала свою пригодность преимущественно в приложении к наиболее продвинутым областям физики, но в нескольких случаях - и применительно к биологии и наукам о поведении. Но реконст-руированная логика, по сути, сама является гипотезой и, как это свой-ственно всем другим гипотезам, со временем приходит во все большее расхождение с фактами, а именно с теми фактами, которые порождает реально используемая логика. Вопрос здесь не в том, *можно ли* понимать факты прежним способом, а в том,
стоит ли
это делать, иными словами, вопрос в том, продолжает ли обсуждаемая реконструкция прояснять смысл реально используемых обоснованных операций.
"Гипотетико-дедуктивная" реконструкция не позволяет продемонстрировать все преимущества неко-торых реально используемых логик, и наоборот, некоторые из реконстру-ированных логик не имеют никаких соответствий среди реально использу-емых. Процессы формулирования гипотез рассматриваются как нечто, лежащее вне пределов собственно логики. С другой стороны, формальная дедукция из системы постулатов столь редко встречается в науке, что ло-гику приходится самому конструировать такого рода системы, дабы обес-печить собственные реконструкции предметным содержанием.

Конечно, из сказанного вовсе не следует, что реконструированная ло-гика является просто описанием того, что на самом деле делает ученый. Это не так по двум причинам.

Во-первых, логика занимается, прежде всего, вынесением оценок, и по-сему она может оказаться более заинтересованной не тем, что было сдела-но, а тем, что сделать не удалось. Однако выдвижение научных гипотез и их замена на более удовлетворительные - это, в общем и целом, дело обо-снованных операций, а не чего-то нелогического или сверхлогического. Выдвигаемая мною критика заключается в том, что в случае "гипотетико-дедуктивной" реконструкции самые важные эпизоды научной

драмы про-исходят где-то за сценой. Приращение знания - это процесс, составляю-щий основу всего научного предприятия, даже с логической точки зрения. Привычная реконструкция показывает развязку, но оставляет нас в неиз-вестности относительно сюжета.

Во-вторых, реконструированная логика - это не столько описание, сколько идеализация научной практики. Даже величайшие из ученых не обладают когнитивным стилем, который можно назвать полностью и бе-зупречно логичным, и даже в самых блестящих исследованиях можно об-наружить "слишком человеческие" отклонения от темы. Реально исполь-зуемая логика впечатана в матрицу реально используемой а-логичности, или даже реально используемой не-логичности. Реконструкция идеализи-рует логику науки только в том отношении, что нам показывают, чем *была бы* реальная логика, экстрагированная и очищенная от всяких примесей до максимальной стерильности.

Этот аргумент в защиту чистой логики важен и, как я полагаю, вполне обоснован. Но обоснован лишь до определенной точки. Зашедшая слишком далеко идеализация становится полезной лишь для дальнейшего развития самой логики, утрачивая всякую ценность как средство понимания и оценки научной практики. Реконструкции подвергались такой идеализации, что, следуя не лишенному ехидства наблюдению Макса Вебера, частным дис-циплинам становилось "трудно невооруженным глазом узнать в этих обра-зах самих себя" 3 . Хуже всего здесь то, что логиков настолько поглощает стремление к увеличению силы и эстетического совершенства используемо-го ими аналитического инструментария, что они утрачивают ощущение кон-кретного материала, с которым им надлежит работать. В лучшем случае, они становятся на позицию небесспорной версии платонизма: самый пра-вильный способ проанализировать и понять что-то - это обратиться к наибо-лее идеальной, т.е. наиболее абстрагированной от конкретного воплощения, форме изучаемого явления. Это, конечно,
тоже
способ, но вовсе не
един-ственный
способ; и я далек от убеждения, что это всегда наилучший способ.

Большая опасность заключена в смешивании реально используемой логики с конкретной реконструированной логикой, особенно если после-дняя представляет собой явную идеализацию. Результатом такого смеши-вания становится неявный подрыв автономии науки. Нормативная сила логики ведет не столько к улучшению реально используемой логики, сколь-ко к попыткам добиться большего сходства последней с навязываемой ре-конструкцией. Нередко говорят, что науки о поведении должны оставить попытки

подражать физике. Я убежден, что эта рекомендация ошибочна: презумпция должна быть заведомо в пользу тех операций понимания, за-мечательная успешность которых в деле поиска истины может считаться уже доказанной. Что, я полагаю, действительно важно - это прекращение попыток имитировать конкретную реконструкцию физики как науки.

Когда реконструкция обладает математической элегантностью, точно-стью и значительными объяснительными возможностями - как это имеет место в случае гипотетико-дедуктивной логики, - ее очарование становит-ся почти неотразимым. Но решающую роль играют не добродетели, внут-ренне присущие самой по себе реконструированной логике, а ее возможно-сти в деле прояснения реально используемой логики. Существует известный анекдот о пьянице, ищущем под фонарем ключи, потерянные в совершен-но другом месте. На вопрос о том, почему бы ему не искать ключи там, где он их в действительности потерял, пьяница отвечает: "Потому что здесь светлее!". И в области логики наук о поведении, и в самих поведенческих науках многие исследования заранее обесцениваются именно в силу дей-ствия принципа "поиска под фонарем".

---

[1] *Kaplan Abraham*. The Conduct of Inquiry: Methodology for Behavioral Sciences. San Francesco : Chandler . 1964. Ch . 1 (§ 1,3). Печается в сокращении. (Перевод с английского И.Ф. Девятко)

2 *Felidae (лат.)* - семейство кошачьих. - *Прим. пер.*

3 См. русское издание: *Вебер М.* Избранные произведения./ Под ред. Ю.Н.Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С.417. - *Прим. пер.*